

М. С. Клименко

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ МУЗЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС В РАЗЛИВЕ: ОТ МИФОЛОГИЗАЦИИ К МУЗЕЕФИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. На протяжении практически всего существования Советского Союза ленинский мемориальный комплекс в Разливе, в который входили музеи «Шалаш» и «Сарай», являлся одним из самых известных в стране. История последнего подполья лидеров большевиков В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева, скрывавшихся у озера Разлив в июле-августе 1917 г. от преследования Временного правительства, долгий период хранила в себе много пробелов, так как воспоминания непосредственных участников изменялись в зависимости от политического контекста и положения в партийном руководстве упоминаемых в них лиц. Одни реальные свидетели пребывания В. И. Ленина в Разливе исчезали из официальной истории, появлялись другие лица и заменяли первых. Подобные обстоятельства, а также идеологическая конъюнктура давали плодотворную почву для создания различных мифов об участниках и событиях, происходивших в те дни в Разливе. Приводятся примеры мифологизации и дается их современная оценка. Музеефикация объектов, имеющих отношение к описываемым событиям, также имела свою специфику в музеях «Шалаш» и «Сарай». Рассматриваются предпосылки расширения профиля деятельности Историко-культурного музейного комплекса в Разливе: трансформация от ленинского мемориала к музею, основной миссией которого становится сохранение богатого и разнообразного культурного-исторического наследия Курортного района Санкт-Петербурга.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В. И. Ленин, Разлив, музей «Шалаш», музей «Сарай», последнее подполье, мифологизация, Курортный район

УДК 725.945

DOI 10.31250/2618-8619-2020-2(8)-81-90

КЛИМЕНКО МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ — заместитель директора по научно-просветительской работе, СПб ГБУК «Историко-культурный музейный комплекс в Разливе» (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: eternaty@mail.ru

Мемориальные музеи как особый вид музейной институции формируются в России на протяжении XIX — начала XX в. Первые попытки сохранения и использования древних и особо чтимых объектов появляются еще в допетровскую эпоху и затем в XVIII в. (Каулен 2012: 146). В XIX в. процесс развития музея как феномена культурной жизни обретает свои очертания, теперь музеефикация включает в себя не только коллекционирование диковинных, красивых или святых предметов, но и мемориализацию недвижимых объектов, памятников истории. Девятнадцатый век привнес в русскую культуру новый подход к мемориализации, расширив ее границы: в сферу интересов включаются памятные места великих исторических событий (Каулен 2012: 171).

Однако именно в молодой Стране Советов начинают активно создаваться музеи, поводом возникновения которых становится жизнь и работа выдающихся личностей в конкретном меморируемом месте, а также события, имевшие значение в контексте определенного исторического момента. Так, с 1918 по 1923 г., в сложнейший и трагический период для страны, раздираемой Гражданской войной, экономической разрухой и перестройкой практически всех сфер жизни общества, в СССР было создано более 250 новых музеев (Поляков 2017). М. Е. Каулен подчеркивает: «Российская музейная интеллигенция предприняла героическую попытку целые пласты уходящей культуры “перевести в музейное состояние”, как говорили в те годы о процессе, получившем впоследствии название музеефикации. Впервые в истории мирового музейного дела огромное число памятников, в основном архитектуры и садово-паркового искусства, объявлялись музеями» (Каулен 2012: 231).

В 1920-е годы на фоне сохранения объектов уходящей культуры особое место занимает музеефикация объектов, связанных с именами выдающихся деятелей истории и культуры, наследие которых, безусловно, должно было вписываться в рамки новой марксистско-ленинской идеологии. Среди многообразия мемориальных музеев историко-революционные занимали особое положение. В течение 1920-х годов открывается более ста подобных музеев, возникавших путем музеефикации недвижимых памятников, связанных с жизнью революционеров и историко-революционными событиями (Каулен 2012: 302). В музеях нового профиля сохранению и воссозданию места, а также идеологической и просветительской работе отдавалась важнейшая роль при создании экспозиции, комплектовании коллекции и разработке экскурсионных программ.

После смерти В. И. Ленина в январе 1924 г. политическая элита, сознавая необходимость в становлении новой идеологии, приступает к созданию сети «ленинских музеев», которых объединял основополагающий фактор — присутствие вождя революции в конкретном месте в разные периоды его жизни. Собранные в сжатые сроки музейные коллекции и предметы в ленинских музеях старались воссоздать атмосферу тех «знаменательных дней», рабочую обстановку, быт, интерьеры пространства, в которых жил и «непрестанно трудился» Владимир Ильич. Однако в новых музеях недостаточно было показать, где и как Ленин жил и работал, учился, отбывал ссылку или скрывался от ищек Временного правительства. Важно было донести до советских граждан, насколько лидер большевиков был близок к народу, против угнетения которого он боролся и который вдохновлял на «путь свободы», на «правое дело». Таким образом, с конца 1920-х годов ленинские музеи становятся важным инструментом в строительстве коммунистической идеологии, своеобразными рупорами пропаганды советского государства.

Из вышеизложенного несложно предположить: потребность в создании историко-революционных мемориальных музеев исходила не от общества, не от музейного или научного сообщества. И несмотря на то что социальный запрос имел место среди трудящихся, все же основным заказчиком создания музеев Ленина было государство как властная политическая структура. При этом Коммунистическая партия дала образовательным и культурным институциям ясные и обязательные к выполнению директивы: жизнь и труд Ленина — ленинское «житие» есть учение, обоснованное исторической и политической наукой, которая, в свою очередь, подкреплена неоспоримыми фактами.

Совместно с ленинианой в советском живописном и монументальном искусстве, в литературе, кинематографе и театре ленинские музеи должны были служить политическому режиму советского государства, который внедрялся практически во все сферы жизни советского человека с юного возраста, практически не давая ему возможность критически переосмыслить траекторию политики партии и выбранного ею пути строительства коммунизма. Идеологизация музейной деятельности в 1930-е годы становится главной тенденцией в Советском Союзе, которая подкреплялась достаточно жесткой централизацией. Это несомненно отражалось на процессе музеефикации памятников истории и культуры: на их выборе, обоснованности и учете интересов местного сообщества (последние принимались во внимание все реже) (Каулен 2012: 345).

Наряду с мемориальными квартирами в Ленинграде, Горками Ленинскими под Москвой, домами-музеями в Ульяновске, Шушинском, Выборге, Ял kale, ярчайшим примером создания ленинских мемориалов у озера Разлив стали музеи «Сарай»¹ и «Шалаш»². Главной миссией этих двух необычных музеев становится сохранение памяти о последнем подполье Ильича, событиях июля-августа 1917 г., масштаб последствий которых безусловно велик для России и мира. Другая немаловажная цель заключалась в создании мифологии о вожде, неприхотливом в быту, разделявшим трудности проживания финских косарей в шалаше, устроенном на поляне в укромном местечке неподалеку от озера, и при этом постоянно работавшем в «Зеленом кабинете» на чурбачках во имя грядущей революции и во благо народных масс рабочих и крестьян. Говоря современным языком, в музее создавался особый имидж основателя советского государства, такого близкого и родного товарища.

Впервые жителям РСФСР об укрытии Ленина в Разливе рассказала публикация А. В. Шотмана в газете «Правда» от 6–7 ноября 1921 г. Одновременно его воспоминания были напечатаны в Ростове-на-Дону и Краснодаре. Через несколько лет выходит отдельное небольшое издание Шотмана «Ленин в подпольи 1917 года»³ (Шотман 1930). В 1922 г. в журнале «Красная летопись» вышли первые воспоминания Н. А. Емельянова «Таинственный шалаш» (Емельянов 1922). На основе публикации воспоминаний Н. А. Емельянова уже в 1923 г. М. Ф. Дий написал пьесу «Накануне. Таинственный шалаш (Вольная интерпретация в 3-х сценах)». С этого времени тему «шалаша» поднимали десятки писателей, поэтов, художников в своих произведениях ленинианы, многие из которых создавались по заказу.

Именно в 1922 г. на страницы журнала «Красная летопись» была помещена фотография первой реконструкции шалаша. Судя по фотографии, импровизируемый шалаш был установлен в неопознаваемом месте, а внешний вид реконструкции не соответствовал его оригиналу — отсутствовал стог сена. Тем не менее снимок неоднократно воспроизводился в публикациях 1920–1930-х годов. На кадрах кинохроники, зафиксировавшей торжественную закладку гранитного памятника Ленину по проекту архитектора А. И. Гегелло 27 июля 1927 г., мы видим, что накануне был сооружен более достоверный вариант макета шалаша со стогом сена⁴. Первый постоянный макет ленинского шалаша появляется рядом с гранитным памятником в месте, где исторически находился шалаш, лишь в 1947 г., однако до середины 1950-х годов он по-прежнему сооружался без стога сена.

В 1955 г. работниками музея при консультации Н. А. Емельянова сделан макет стога высотой 4 м, диаметром 4 м и шалаша из ветвей, покрытых сеном, длиной 2,75 м и шириной 2,25 м. С того времени макет успел неоднократно сменить свое положение относительно гранитного памятника. Вплоть до начала 1990-х годов шалаш из сена и веток чаще находился по правую сторону от гранитного монумента. В 2005 г. макет шалаша стал размещаться слева от памятника.

¹ Объект регионального значения «Сарай рабочего-большевика Н. А. Емельянова, где в июле 1917 г. В. И. Ленин скрывался от Временного правительства» (Закон Санкт-Петербурга № 174-27 от 05.07.1999).

² Объект федерального значения мемориал «Место, где в июле-августе 1917 г. В.И. Ленин скрывался от Временного правительства» (Постановление Правительства РФ № 527 от 10.07.2001).

³ Приводится оригинальное написание названия издания.

⁴ Кадры кинохроники. 27 июля 1927 г. Студия Севзапкино. Российский государственный архив кинофотодокументов.

В 1920-х годах воспоминания о жизни в шалаше или его посещении оставили Г. Е. Зиновьев, Н. А. Емельянов, А. В. Шотман, Д. И. Лещенко, Э. А. Рахья, Г. К. Орджоникидзе. На их основе нелегко составить точный перечень всех его посетителей. В новых версиях воспоминаний появлялись умолчания и недостоверная информация, со временем непосредственных участников и организаторов подполья отодвигают на второй план. Воспоминания записывались вновь, перерабатывались и редактировались в зависимости от политического контекста и положения в партийном руководстве упоминаемых в них лиц.

К примеру, автограф Г. Е. Зиновьева на машинописной копии воспоминаний Н. А. Емельянова сохранил список посетителей Разлива. В ответ на рассказ Емельянова о посещении сарая неизвестной группой товарищей Зиновьев указал: *Не так было. Был лишь один тов.: жена Смилги (и не так наивно она вела себя). В. И. не мог сказать: шут с ним и др., т.е. рисковать всем.* Там же в ответ на слова Емельянова о том, что к Ленину в шалаш *ездил очень много товарищей ночью и днем*, Зиновьев указал: *Это не верно. Было только 1–2 чел.: Серго, Лещ., Шотм., Рахья* (РГАСПИ. Ф 324. Оп. 1. Д. 8. Л. 5).

Сразу после смерти Ленина в марте 1924 г. Г. К. Орджоникидзе публикует свой вариант воспоминаний, в котором всячески подчеркивает роль И. В. Сталина в июльских событиях и пишет о том, что по его указанию дважды посетил Ленина в Разливе. Н. А. Емельянов и Н. К. Крупская в 1920–1930-х годах не упоминали Орджоникидзе среди посетителей Разлива. В версии А. В. Шотмана, связными с шалашом были только он сам и А. Н. Токарева (Крупская и др. 1934).

После снятия Г. Е. Зиновьева с руководящих постов (1926–1927) о пребывании его в шалаше вместе с Лениным начинают постепенно умалчивать. Наиболее драматическая перемена в составе участников произошла после ареста Н. А. Емельянова и его старших сыновей в 1935–1936 гг. В публикации ежедневной газеты «Известия» от 16 июля 1937 г. из истории «последнего подполья» вычеркнут не только Зиновьев, но и сам Емельянов (Известия 1937: 3).

Через год после возвращения из ссылки в п. Разлив в апреле 1946 г. Н. А. Емельянов, пытаясь восстановить справедливость и вернуть свое имя в историю «последнего подполья», дополняет воспоминания новыми деталями⁵. В их новой версии в шалаш к Ленину часто приезжал Ф. Э. Дзержинский, «и несколько раз был у него тов. Сталин», с которым обсуждался вопрос организации переезда в Финляндию. Емельянов записал, что Сталин «своей проницательностью пришел к неоспоримо правильным выводам — сберечь мозг и сердце революции». В 1952 г. он пишет справку с опровержением публикации 1937 г., в которой число посетителей шалаша расширяется, а Дзержинский уже полностью заменяет собой Шотмана (Кибинь 2018: 65). Тогда же в начале 1950-х годов экспозиция освещала содружество Ленина и Сталина, в ней находилась картина «В. И. Ленин и И. В. Сталин в Разливе», на стене из бронзы была надпись: «Сталин спас для партии, для нашего народа, для всего человечества драгоценную жизнь Ленина, решительно высказавшись против явки Ленина на суд контрреволюционеров...».

В 1956 г. Н. А. Емельянов был награжден орденом В. И. Ленина. В годы оттепели к нему вернулось заслуженное внимание — его воспоминания вновь стали издаваться. Теперь все публикации воспоминаний Емельянова рассказывали о посещении шалаша Ф. Э. Дзержинским, Я. М. Свердловым, Г. К. Орджоникидзе (Емельянов 1957). Сегодня после изучения историками архивных материалов, воспоминаний участников событий 1917 г., опубликованных в разные годы, нам доподлинно известно, что ни И. В. Сталин, ни Н. К. Крупская, ни Ф. Э. Дзержинский и Я. М. Свердлов в Разливе в июле 1917 г. не бывали. Крупская приезжала к Емельяновым позже, в августе–сентябре 1917 г., чтобы переправиться через границу в Сестрорецке и посетить мужа в Гельсингфорсе.

Новый этап развития мифологии вокруг шалаша начинается с массовой популяризации памятного места в 1950–1960-х годах. В 1961 г. выходит в свет повесть Э. Г. Казакевича «Синяя

⁵ Оригинал рукописи Н. А. Емельянова и машинопись с его подписью хранятся в коллекции народного музея Сестрорецкого инструментального завода им. Воскова. Коллекция завода передана на временное хранение (пользование) музейному комплексу в Разливе.

тетрадь», на основе которой режиссер Л. А. Кулиджанов в 1964 г. снимает одноименный фильм. Благодаря повести и фильму в историю подполья в Разливе вернулась фамилия Зиновьева. В эпоху застоя о персоне Г. Е. Зиновьева вновь «официально забывают». В научно-популярной литературе 1970-х годов о его присутствии в Разливе практически не говорится (Львов, Никитин 1973). Даже в музеях «Шалаш» и «Сарай» о забытом герое посетителям стали рассказывать только после его реабилитации в 1988 г.

В 1956 г. в целях восстановления исторической достоверности предложено убрать деревянный каркасно-насыпной павильон с мемориального покосного луга. В связи с чем в 1960–1963 гг. архитектурно-планировочное управление Ленинграда разработало проект экспозиционного павильона из стекла и бетона. Проект возглавил архитектор В. Д. Кирхоглани при участии В. В. Кондратьева и В. А. Норина. Творческий коллектив создал проект вместительного здания минимальных габаритов, выдержанного в спокойном стиле, «без лишних деталей», отвлекающих внимание от исторических событий. Кирхоглани поставил павильон в стороне от поляны с шалашом и обеспечил ее свободный обзор из павильона через остекленный на всю длину главный фасад. Здание площадью 240 м² было возведено в 1964 г.

На главной вогнутой стене расположились фотографии участников событий, цитаты из текстов, дубликаты документов и июльских газет 1917 г. Объемную часть экспозиции составляли лодка семьи Емельяновых, на которой Ленин и Зиновьев переправились к шалашу, личные вещи и предметы быта косарей, скульптура «Ленин в Разливе» работы В. Б. Пинчука. Особое место в экспозиции занимали копия «Синей тетради» и макет первого издания книги «Государство и революция».

Стоит отметить, что на экспозиции только лодка с веслами, принадлежавшая семье Н. А. Емельянова, была оригинальным экспонатом, т.е. являлась непосредственным свидетелем тех дней. Другая лодка, которой пользовались наши герои летом 1917 г., была передана в Центральный музей В. И. Ленина⁶, как и большинство его личных вещей, а также документов, непосредственно связанных с первым руководителем Советского Союза. Научная атрибуция лодки, экспонируемой по сей день в музее «Шалаш», проводилась в 1977 г. заведующим мемориальным музеем «Шалаш В. И. Ленина» совместно с сотрудниками Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина, реставраторами Государственного Эрмитажа и в присутствии Александра Николаевича Емельянова (старшего из сыновей Н. А. и Н. К. Емельяновых). В 1979 г. проведены работы по консервации и реставрации лодки реставраторами Государственного Эрмитажа.

На открытках 1960–1980-х годов из серии «Мемориальный музей В. И. Ленина “Сарай” и “Шалаш”» часто можно встретить такую подпись: «Личные вещи, которыми пользовался В. И. Ленин во время пребывания в шалаше за озером Разлив в июле-августе 1917 г.». Личные вещи представляют собой рубаху-косоворотку, подушку и одеяло. Сегодня в фондах музея хранятся похожие предметы, однако факт их подлинности у сотрудников музея вызывает небезосновательные сомнения. Во-первых, ввиду вышеизложенного обстоятельства относительно хранения подлинных предметов лидера большевиков в ГИМе. Даже в коллекции Государственного историко-мемориального музея «Смольный», бывшего Ленинградского филиала Центрального музея Ленина хранится лишь образец подлинного одеяла, которым пользовался В. И. Ленин в сарае и шалаше в 1917 г. Он представляет собой небольшой кусок ткани от верхнего одеяла темно-красного цвета (2,0 × 2,0 см) и узкий кусок подкладки натурального цвета. Во-вторых, в документально зафиксированных показаниях разных лет участников подполья в Разливе отсутствует какая-либо информация об использовании Лениным именно этих предметов. Их научная атрибуция, как в случае с лодкой, не проводилась. Возможно, в дальнейшем сотрудникам музейного комплекса в Разливе удастся окончательно установить подлинность этих артефактов.

⁶ С 1993 г. по настоящее время фонд «Музей В. И. Ленина» является филиалом Государственного исторического музея (ГИМ).

И все же главным объектом сохранения музея «Шалаш» остаются мемориальный луг и гранитный памятник. Таким образом, мы можем отнести «Шалаш» к средовым музеям, а точнее к одной из его групп — музеям под открытым небом, так как он включает в себя памятный объект и природную среду. Ввиду того, что музеефикация здесь имела особый, специфический характер, о котором сказано выше, именно идеологическая функция занимала главенствующую позицию в Разливе на протяжении всего советского времени. Мифотворчество, связанное с пребыванием разных исторических личностей, переписывание истории — методы, вполне присущие подобным идеологическим плацдармам.

Официальная музеефикация «Сарая» началась в 1939 г., когда деревянная постройка 1904 г. вместе с гранитным памятником В. И. Ленина «Шалаш» была передана в ведение Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина. Уже тогда предполагалось создать защитное сооружение над сараем, но Советско-финская, а затем Великая Отечественная война помешали реализации этих планов. В 1952–1953 гг. были проведены реставрационные работы, в ходе которых сарай был полностью разобран и антисептирован, под него подведен цементный фундамент, потолок укреплен новыми досками, частично заменена дранка. В 1950-е годы с помощью Емельяновых сотрудники Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина восстановили бытовую обстановку кухни и столовой сарая, сохранили печку. Внутри помещения был подобран рисунок и цвет обоев того времени, а в 1963 г. сарай покрыли огнестойкой краской цвета охры, в который он был окрашен в 1917 г. Как мы видим, музеефикация «Сарая» затянута на три десятилетия, с 1925 г. по середину 1950-х годов.

Из подлинных вещей в «Сарае» сохранились лестница, по которой Владимир Ильич поднимался на чердак. Большой латунный чайник и четыре венских стула указаны в описи экспозиции музея, составленной со слов Н. К. Емельяновой в 1956 г., как оригинальные предметы, т. е. семья Емельяновых ими пользовалась летом 1917 г. Вопрос об использовании конкретно этих вещей Лениным в короткий период пребывания в сарае остается спорным. Основная часть предметов была внесена в экспозицию по типологическому принципу. Хочется отметить, что благодаря проведенной музеефикации и установке стеклянного купола в 1970 г., несмотря на малочисленность подлинных экспонатов, сегодня мы имеем единственную хорошо сохранившуюся в Курортном районе Санкт-Петербурга временную постройку начала XX в.

Еще один факт мифотворчества представляет собой дуб, растущий на берегу Разлива у музея «Сарай». В советское время существовала легенда, будто этот дуб был посажен самим Лениным или при его непосредственном участии. Подобный миф зафиксирован документально со слов самого Н. А. Емельянова, чьи сыновья за чем-то принесли молодой дубок из леса в июле 1917 г., как раз в те дни, когда В. И. Ленин с Г. Е. Зиновьевым скрывались у Емельяновых в п. Разлив. Увидев детей с молодым дубком, Владимир Ильич предложил его посадить на берегу озера (АГИММС. Оп. «Сарай В. И. Ленина». Д. 2. С. 20–21). Позднее именно эта история легла в основу музыкального произведения под названием «Ленинский дубок», исполненного в 1963 г. Государственным уральским русским народным хором.

В 1969 г. профессор ленинградского Ботанического института и инженер лесного хозяйства, изучив дуб, установил, что в 1917 г. этому растению было четыре года. Таким образом, показания про молодой дубок сходились. В последние годы научные сотрудники склоняются к тому, что ушедшие в подполье руководители РСДРП(б) находились на территории участка Емельяновых не более суток (Симанков 2016: 26). Выходить днем на улицу возможности у них не было по причине проживания совсем рядом (в 7–8 метрах от сарая) дачников, арендовавших летом у семьи Емельяновых два дома. Дачники могли раскрыть конспирацию и сообщить о пребывании подозрительных лиц в полицию, тщетно искавшую «немецких шпионов» как в Петрограде, так и за его пределами. К тому же условия нахождения на чердаке сарая в теплое летнее время были непростыми, ведь помимо подпольщиков наверху размещались шестеро сыновей Николая Александровича и Надежды Кондратьевны (от 6 до 17 лет). Но все же миф о дубке, живом памят-

нике Ильича, был наполнен революционной романтикой и необходим для идейно-воспитательной работы. Документы об экспертизе дуба были составлены и подписаны всеми компетентными лицами.

На фоне мифологизации истории, связанной с «последним подпольем», местное сообщество еще полвека назад достаточно ясно осознавало, что не единым Лениным славится земля Сестрорецка и его окрестностей. Богатейшая история здешних мест уходит глубоко в прошлое — до 4 тыс. до н. э. Именно такой возраст у самых ранних неолитических стоянок у озера Разлив. (Археологические раскопки в этих местах проводились с 1908 г.)

Проживание представителей различных этнических групп и конфессий, создание в последние годы правления Петра I Сестрорецкого оружейного завода⁷, образование для функционирования завода одного из крупнейших и старейших в Европе искусственного водохранилища, уникальная деревянная застройка второй половины XIX — первой половины XX в., проживание большой плеяды знаменитых деятелей, внесших серьезный вклад в отечественную и мировую науку и культуру, заставляют нас задаться вопросом, почему же только присутствие здесь Ленина послужило основанием для создания в этих краях государственного музея. Возможно, на фоне главного политического деятеля Советского Союза и его жизни в подполье все остальное казалось не столь значительным для советского государства.

Запрос на сохранение исторического и культурного наследия Сестрорецкого и Курортного районов Ленинграда (ныне — Курортный район Петербурга), на создание краеведческого музея появился еще в советскую эпоху. В записках 1968–1970-х годов, которые хранятся в архиве Государственного историко-мемориального музея «Смольный», мы видим, что рабочие и ветераны Сестрорецкого инструментального завода им. Воскова под предлогом ленинской тематики предлагают руководству самого высоко ранга — Совету Министров, Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры, Ленинградскому филиалу Центрального музея В. И. Ленина — обратить внимание на уничтожение уникальной деревянной архитектуры в г. Сестрорецке, в частности в п. Разлив (АГИММС. Оп. «Сарай В. И. Ленина». Д. 5. С. 9–11). Авторы письма ссылаются на опыт восстановления облика с. Шушенское. В итоге 10 августа 1970 г. Ленинградский горсовет народных депутатов принимает решение «Об охранной зоне и зоне регулирования застройки в посёлке Разлив» (АГИММС. Оп. «Сарай В. И. Ленина». Д. 5. С. 30–31).

Создание охранной зоны и зоны регулирования застройки в п. Разлив могло послужить хорошим началом для возникновения в пригороде Ленинграда «экомuzeя» как одного из разновидностей средовой музейной институции с преобладанием частичной музеефикации. Мария Каулен в работе «Музеефикация историко-культурного наследия России» дает следующее определение: «Экомuzeй — это музей живой истории, существующей *in situ*. Его хранителями и сотрудниками являются местные жители. Понятие “экомuzeй” появилось в конце 1950-х гг. во Франции для определения музеев, провозгласивших целью комплексное сохранение историко-культурного наследия и природных ландшафтов в совокупности с оптимальным развитием природной и культурной сред в соответствии с местной спецификой» (Каулен 2012: 61).

К сожалению, несмотря на инициативу местных жителей и нормативно-правовой акт ничего подобного «Шушенскому» или «Родине В. И. Ленина» в Ульяновске не произошло в Разливе. После распада СССР документ об охранной зоне де-факто уже перестал действовать, и в границах установленной охранной зоны и зоны регулирования застройки и даже вблизи от музея «Сарай» часть старых домов разрушается. Безусловно, сохраняется небольшая по площади территория музея «Сарай» как объекта культурного наследия регионального значения. Среди местных жителей до сих пор нет единого мнения относительно сохранения архитектурного, историко-культурного наследия этих мест, во многом достойных «мягкой» музеефикации. Некоторые жители само-

⁷ 1721 г. — начало строительства завода, в 1724 г. в присутствии Петра I запускается первый цех; с 1922 г. — Сестрорецкий инструментальный завод им. Воскова.

стоятельно создают домашние музеи, сохраняют внешний вид деревянных домов, другие, в основном приезжие, взамен старым традиционным домам возводят новые, чуждые для района постройки. Впрочем, в последние годы намечается тенденция к сохранению традиционного облика п. Разлив. Такой запрос появляется во многом благодаря просветительской деятельности музейного комплекса в Разливе.

Включение гранитного памятника «Шалаш» в список объектов культурного наследия России федерального значения в 2001 г. (а с 2017 г. в список достопримечательных мест РФ) помогло сохранить инфраструктуру музея советского периода и окружающий природный ландшафт. Основные объекты музея поддерживаются в хорошем состоянии, некоторым требуется реставрация, территория постоянно благоустраивается, но, безусловно, для дальнейшего развития требуется значительная работа. На территории музея, не изменяя внешний вид основной части охраняемой зоны — мемориального луга и гранитного памятника, стали появляться произведения советского монументального искусства, в том числе одни из первых памятников В. И. Ленину, созданных М. Я. Харламовым через несколько лет после смерти вождя.

Путь, который проходит музей в Разливе в последние годы, достаточно близок к средовому подходу в музеефикации исторических мест, его основной задачей является сохранение и актуализация наследия при объединении таких важных компонентов, как природа, общество и история. В средовом музее присутствуют объекты (элементы среды) разной степени подлинности, достоверности и музейной ценности (Каулен 2012: 111). Предложение по внедрению элементов тематического парка на территории музея «Шалаш» до сих пор остается дискуссионным среди специалистов, принимающих участие в обсуждении концепции развития данной исторической зоны.

Согласно уставу СПб ГБУК «Историко-культурный музейный комплекс в Разливе» его основными целями с 2005 г. становятся сохранение, изучение и популяризации истории Курортного района Санкт-Петербурга посредством комплектования коллекций, научно-просветительской и выставочной деятельности. Процесс музеефикации развивается уже в нескольких направлениях: история революционных событий 1917 г., советская эпоха, краеведение.

Музейный комплекс в Разливе, правопреемник одного из самых известных в стране ленинских мемориалов, пережил трансформацию методологического характера. За более чем девять десятилетий он прошел путь от музея памяти и мифах о последнем подполье В. И. Ленина, музея пропаганды ленинизма к музею сохранения и осмысления исторической памяти. В советскую эпоху идейная направленность экспозиций музеев «Шалаша» и «Сарай», несомненно, вписывалась в марксистско-ленинскую музеологию. Согласно такому подходу, музей — это идеологический инструмент, контролировать который должна партия. Но вопрос о существовании такой школы музеологии, как отмечает Петер ван Менш в труде «К методологии музеологии», вызывает определенные споры (ван Менш 2018: 127).

Сегодня деятельность музейного комплекса в Разливе определенно близка концепции «новой музеологии», которая включает такие понятия, как «общинная музеология» и «экомузей». Музеи призваны играть более активную социально-культурную роль, «способствовать развитию общины путем укрепления ее чувства культурной идентичности» (ван Менш 2018: 132). Такие выставочные проекты музея, как «Многоконфессиональный Сестрорецк» и «Курортная формула», в которых непосредственное участие принимали местные жители и как информанты, и как владельцы уникальных предметов и документов, приводит нас к понимаю тесной взаимосвязи местного сообщества и музейной институции в процессе выбора способов музеефикации наследия и развития территории как культурного кластера. Музей «Келломяки-Комарово», недавно влившийся в состав музейного комплекса в Разливе, был создан именно местными краеведами, жителями и дачниками, населяющими известный на всю страну поселок. И наиболее верным направлением музеефикации здесь может стать концепт «экомузея».

Другое направление деятельности музейного комплекса в последнее десятилетие связано с развенчанием той самой мифологии, создаваемой в рамках партийной идеологии Советского

Союза. На примере открывшихся фактов попытки переписывания истории о пребывании здесь В. И. Ленина и его соратников, анализа проводившейся здесь музеефикации, имевшей основной целью политическую пропаганду мы можем говорить о еще одном подходе в современной музеологии — «критической музеологии». По словам Э. Л. Хейса, «музеолог должен стремиться к созданию “критического музея”, т.е. такого музея, который ставил бы вопросы о мифе, национальном прошлом и направлении будущего развития» (цит. по: ван Менш 2018: 133). Исторические выставки «Ленагитпроект», «Музей под открытым небом. Музей “Шалаш” — 90», межмузейный фестиваль «Здесь был Ленин», выставки современных художников наподобие Public Art, созданные за последние годы в музейном комплексе в Разливе, способствуют не только рефлексии музея относительно самого себя, но и формированию критического мышления у посетителя.

Тем не менее, осмысливая критически свою историю, миссия Историко-культурного музейного комплекса в Разливе в наши дни направлена в первую очередь не на развенчание мифов, а на изучение, сохранение и трансляцию в музейном пространстве реальных исторических фактов, происходивших в 1917 г. Для музея с таким неоднозначным прошлым и по-прежнему дискуссионным контекстом это особенно важно на фоне растущего общественного запроса на восприятие объективной исторической информации, на включение в музейное пространство на уровне активного освоения исторических знаний. Выходя за рамки ленинского мемориала, музей осознает свою особую роль в сохранении культурно-исторического наследия северного района Петербурга, где расположены не только всем известные Разлив, Сестрорецк или Комарово, но и множество других знаменательных мест, в которых происходили события, достойные изучения профессиональным сообществом и включения в процесс сохранения и популяризации исторической памяти нашей страны.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГИММС — Архив Государственного историко-мемориального музея «Смольный»

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- АГИММС. Оп. «Сарай В. И. Ленина». Д. 5.
АГИММС. Оп. «Сарай В. И. Ленина». Д. 2. С. 20–23.
РГАСПИ. Ф 324. Оп. 1. Д. 8. Л. 5. Воспоминания Емельянова Н. А.
Емельянов Н. А. Таинственный Шалаш (Воспоминания т. Н. А. Емельянова о нелегальном периоде жизни т.т. Ленина и Зиновьева после июля 1917 г.) // Красная летопись. Исторический журнал. № 4. Петроград, 1922. С. 133–139.
Емельянов Н. А. Ильич в Разливе. 1917–1957. М., 1957.
Каулен М. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012.
Кибинь А. С. «Был сильный ветер» над Разливом: кодовая фраза в воспоминаниях Н. А. Емельянова об июльских событиях 1917 г. // Смоляной путь. Альманах. Вып. 5. СПб., 2018. С. 63–68.
Крупская Н., Орджоникидзе С., Аллилуев С., Емельянов Н., Шотман А., Ровио Г., Рахья Э. Последнее подполье Ильича. М., 1934.
Львов И. А., Никитин П. Е. Ленин в Разливе. Л., 1973.
Менис Петер ван. К методологии музеологии / пер. с англ. В. Г. Ананьева. М., 2018.
Поляков Т. П. Революция в музее, или Особенности экспозиционно-выставочной деятельности музеев в первые годы Советской власти // Журнал Института наследия. Сетевое научное рецензируемое издание. 2017. № 4 (11). URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/21/165.html> (дата обращения: 16.05.2020).
Симанков Н. А. К уточнению биографической хроники В. И. Ленина периода его последнего подполья (в Разливе и Ялкала) // В. И. Ленин. История. Память. Современность: сб. статей по итогам историко-культурной конференции 2015 г. СПб., 2016. С. 26–28.
Разлив // Известия. 1937. 16 июля. № 165.
Шотман А. В. Тов. Ленин в подпольи (июль-октябрь 1917 года) // Правда. 1921. 6–7 ноября. № 251.
Шотман А. В. Ленин в подпольи 1917 года. М.; Л., 1930.

HISTORICAL AND CULTURAL MUSEUM COMPLEX IN RAZLIV: FROM MYTHOLOGIZATION TO MUSEUMIFICATION

ABSTRACT. During the Soviet period Lenin's memorial complex in Razliv, which included museums «Hut» and «Barn», was one of the most famous museums in the USSR. In July and August 1917, Vladimir Lenin and Grigory Zinoviev lived near Lake Razliv in hiding from the Provisional Government. The story of that hiding had a lot of blank spots because the memories of the participants were being changed depending on the political context and the status of the persons mentioned in the current party leadership of the Soviet Union. Some actual witnesses of Lenin's hiding in Razliv disappeared from the official history, while other persons appeared and replaced the real ones. Such circumstances, as well as the Soviet ideology, provided fertile ground for creating different myths about the participants and events that took place in Razliv. The article presents some examples of this mythologization. The museumification of objects involved in the expositions of both museums «Hut» and «Barn» had also its particular features. The article considers the premise of the transformation of the museum complex in Razliv from the memorial of Lenin to the museum, the major mission of which nowadays is preserving the rich and diverse heritage of Kurortny District of Saint Petersburg.

KEYWORDS: V. I. Lenin, Razliv, «Hut» museum, «Barn» museum, last hiding, mythologization, Kurortny District

MIKHAIL S. KLIMENKO — Deputy Director for Research and Education, Historical and cultural museum complex in Razliv (Saint Petersburg, Russia)
E-mail: eternaty@mail.ru